

Введение

Эта книга — «мой личный ЖЗЛ». Я долго мучил себя гамлетовским вопросом: будут ли герои второго ряда, пусть и вызвавшие мой жгучий интерес, любопытны кому-то еще? Тут уместно разместить благодарность издателям, которые терпеливо ждали, что я решу, хотя в их глазах явственно читалось желание пристегнуть меня наручниками к батарее и не выпускать из офиса, пока я не отдам им хоть какую-то рукопись. Однако они удержались. Тем временем на даче я наткнулся на старое издание книги «Твой восемнадцатый век» Натана Эйдельмана. Хотя эта популярная работа адресуется советскому молодому человеку, на самом деле в ее названии заключена известная доля лукавства. «Восемнадцатый век», разумеется, не «твой», а «мой», то есть авторский, эйдельмановский. Это Натан Яковлевич по своему вкусу (надо сказать, превосходному) отобрал персоны и события XVIII века и предложил нам квинтэссенцию давно ушедшей эпохи, пропущенной через **личные**

симпатии-антипатии. Перечитав этот классический труд, я решил: почему нет? Я не равняю себя с мастером, но у него это сделано так хорошо, что, ей-богу, хочется повторить на другом материале. «Друг государства» — это своего рода оммаж, дань уважению советскому исследователю Эйдельману, который был гроссмейстером популярной истории и ни на йоту не устарел до сих пор.

Решающая роль личности в истории давно и успешно оспорена. Социально-экономические отношения, география, климат сегодня занимают серьезных историков гораздо больше, чем поступки конкретных людей, даже причисленных потомами к сонму великих. Биография переключалась в число второстепенных исторических жанров — но лишь для ученых мужей; массовый читатель по-прежнему предпочтет бодрое жизнеописание статистическому анализу. Секрет этого противоречия прост: биография хороша тем, что ее несложно примерить на себя и через это почувствовать нерв истории. Быть может, и вам прекрасно известны люди, ставившие себя на место Наполеона при Аустерлице, Пушкина, получившего глумливый диплом ордена «рогоносцев», Лазарева, плывущего к берегам Антарктиды, ну или, на худой конец, Грейс Келли, вышедшей замуж за принца Монако. Полагаю, что для такого рода читателей в моей книге собран неплохой «гардероб».

Считаю своим долгом предупредить: в этом сборнике не будет массы моих исторических фаворитов из числа революционеров. Те, кто очертя голову бросался менять несправедливый социальный миропорядок, вместо того чтобы искать в нем уютное местечко, заслуживают отдельной книги. Костяк же этой составляют биографии гениев, авантюристов и даже откровенных чудаков, в затеи которых, во всяком случае на их старте, мало кто верил. Между тем Генрих Шлиман и Зигмунд Фрейд, не говоря уже о Фрицьофе Нансене, с успехом добились своего; на их фоне вклад в историю Франца Антона Месмера гораздо скромнее, не говоря уже об Александре Барченко, чьи изыскания сегодня выглядят не более чем ярким курьезом постреволюционного времени.

Курьезом можно было бы считать и мистификацию чешского поэта Вацлава Ганки, создавшего поддельный «древнечешский эпос», если бы его грандиозный обман не способствовал пробуждению национального самосознания чехов. «Краледворская рукопись» Ганки — пожалуй, самая успешная подделка в мировой истории, по сравнению с которой какая-нибудь «Велесова книга» выглядит откровенно жалко и маргинально. Чешский авантюрист дурил человечество больше ста лет: это, без сомнений, достижение, хотя затрудняюсь сказать, с «плюсом» или «минусом».

Не менее авантюрной была биография еще одного героя, очерк о котором подарил название книге «Друг государства». Речь о Фрэнсисе Уолсингеме, современнике Шекспира, гении шпионажа, одном из самых успешных руководителей секретной службы за всю историю человечества. Возможно, вы вспомните его по блестящему исполнению Джеффри Раша в дилогии о королеве Елизавете режиссера Шекхара Капура.

Про адвоката Федора Плевако фильмов пока не снято, о чем можно только сожалеть. Судебная реформа Александра II породила созвездие блестящих судебных юристов, но только Плевако остался в памяти людей как «народный заступник». История этого человека, несмотря на обилие анекдотов о нем, — это предельно серьезная история про разные представления о справедливости у народа и элиты в Российской империи эпохи упадка. Плевако глубоко понимал и умело защищал первые, хотя с точки зрения собственно юриспруденции его мастерство может быть не понято.

Очерки об Александре Дюма, Жюле Верне и Генри Райдере Хаггарде написаны в знак признательности. Эти люди во многом сделали мое детство счастливым. Впрочем, если найти время и перечитать «Трех мушкетеров» и «Дочь Монтесумы», может выясниться, что не только детство.

Наименее авантюрной и весьма трагической выступает биография Клауса Манна. Мрачная история: сын великого человека не верит в свои силы и кончает с собой. Потом выясняется, что из-под его пера вышел великий роман, не оцененный современниками. Я написал об этом персонаже по преимуществу с терапевтическими целями: если вам вдруг покажется, что вы бездарь и всю жизнь делали какую-то ерунду, вспомните о Клаусе: человек просто не дождался своего часа. А ведь еще Лев Николаевич Толстой верно писал, что все приходит вовремя для того, кто умеет ждать.

Зачем нужны биографии? Кроме развлечения от сюжетных ходов, которые выписывает судьба, жизнеописания преподносят одну мораль, о которой хорошо бы помнить и в трудную, и в легкую минуту. Люди живут в истории, она вертит ими как щепками, попавшими в смерч. И все же далеко не все оказываются покорны воле этого вихря. Некоторые умеют, или во всяком случае пытаются, действовать ему наперекор.

Именно их поступки в роковой час X меняют орнамент на историческом полотне.